91986

0 2 4

ТУ-19-241-82

8

3

студия
ДИАФИЛЬМ

ВАСИЛЬ БЫКОВ

(творческий портрет)

Из литературы
о Великой Отечественной
войне
2

«Пока жив хоть один человек на свете, не исчезнет в мире жгучая необходимость в правде...
С правдой возможно все, без нее невозможно ничего. Без правды нет движения, без нее застой, гибель, тлен...
Все минется, правда останется!» (Василь Быков).

«Литературное имя его известно,—писал Ю. Бондарев,— интонация знакома».

Узнаваемы и привычны «тугой ритм и особая строгая лиричность вместе с мужественной жесткостью».
Но всякий раз, читая его прозу, мы испытываем «ощущение радостного и внезапного открытия... что бывает при соприкосновении с истинным талантом».

Ю. Бондарев.

Он не думал, что станет писателем. Учился до войны в Витебском художественном училище. «В живописи я никогда не был силен... Мои способности скорее проявлялись в графике... я отдаю предпочтение графике и в литературе. Мне больше нравится... выразительность без излишеств, даже сухость, скупость языковых средств, какие могут быть сродни только графике».

Война застала Быкова на Украине. Как и все его сверстники, он ушел на фронт.

Был командиром стрелкового взвода, взвода автоматчиков, служил в противотанковой артиллерии. Доводилось наступать и обороняться, окружать и выходить из окружения. Дважды был ранен, чудом остался жив. На плите одной из братских могил на Кировоградчине—имя Василя Быкова...

Он пришел в литературу вместе с фронтовым поколением советских писателей — Ю. Бондаревым, Г. Баклановым и другими, чья юность совпала с войной. Взялся за перо «скорее из литературно-полемических побуждений. Читал некоторые произведения о войне, и они выводили меня из себя своей «красивостью», своей «литературщиной». А мне хотелось правды!».

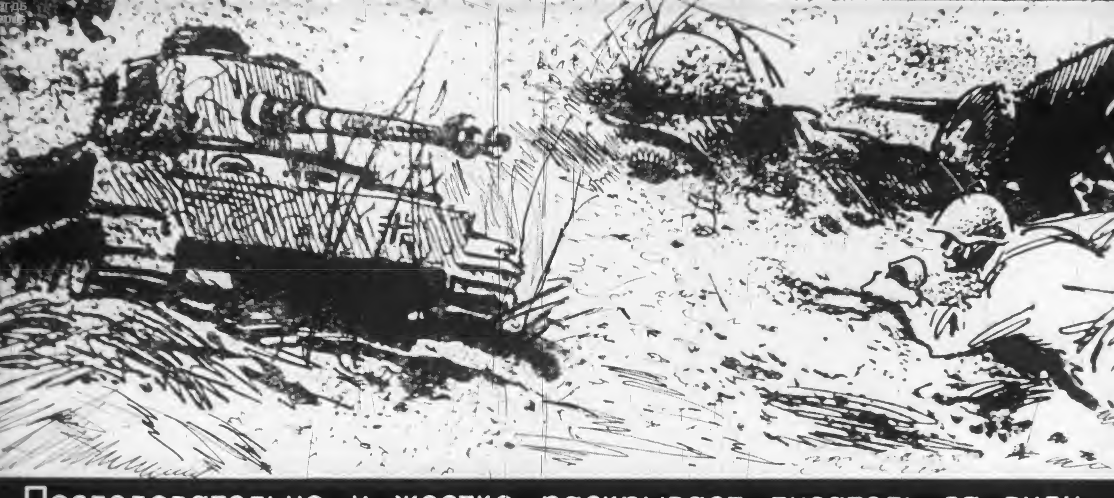
Первой обратившей на себя внимание была его повесть «ЖУРАВЛИНЫЙ КРИК».

...Осень 1941 года. Отступление.

Шестеро бойцов в облепленных глиной шинелях теснятся друг к другу у сломанного шлагбаума. Над ними небо, где пролетит журавлиная стая...

«Впервые у В. Быкова,—пишет один из исследователей,—перед нами открылось **поле боя**, трагическое пространство войны, тревожное и гнетущее. И мы увидели горстку людей, оставленных в том пространстве, чтобы задержать врага. И впервые у В. Быкова разглядели каждого из них...»

Последовательно и жестко раскрывает писатель за видимостью человека его суть.

...Юный, робкий с виду Глечик один остается защитником переезда. «Спрыгнув с бруствера, Глечик схватил свою единственную гранату, прижался спиной к содрогавшейся стенке траншеи и стал ждать. Василь понимал: это конец, и подавил нестерпимую тоску, а в душе великой, неистребимой жаждой жизни все бился и бился далекий и призывный журавлиный крик...»

«ТРЕТЬЯ РАКЕТА», «КРУГЛЯНСКИЙ МОСТ», «СОТНИКОВ»... Круг действующих лиц в повестях Быкова невелик: взвод, орудийный расчет, партизанская группа; место—высотка, хутор, переезд—полное неизвестности или насыщенное смертью пространство; время—дни, а то и часы. А за всем этим сложность и глубина картины всенародного сопротивления.

«СОТНИКОВ»—одна из самых сильных и яростных, самых «быковских» повестей. «...А разве это повесть о партизанской войне?»—с недоумением спросил как-то автор. Проблема выбора—вот что его здесь более всего занимало.

«В партизанской войне и на оккупированной территории она стояла острее, судьбы людей были зачастую трагичнее... И вообще элемент трагического, всегда являющийся существенным элементом войны, проявился здесь во всю свою страшную силу» (В. Быков).

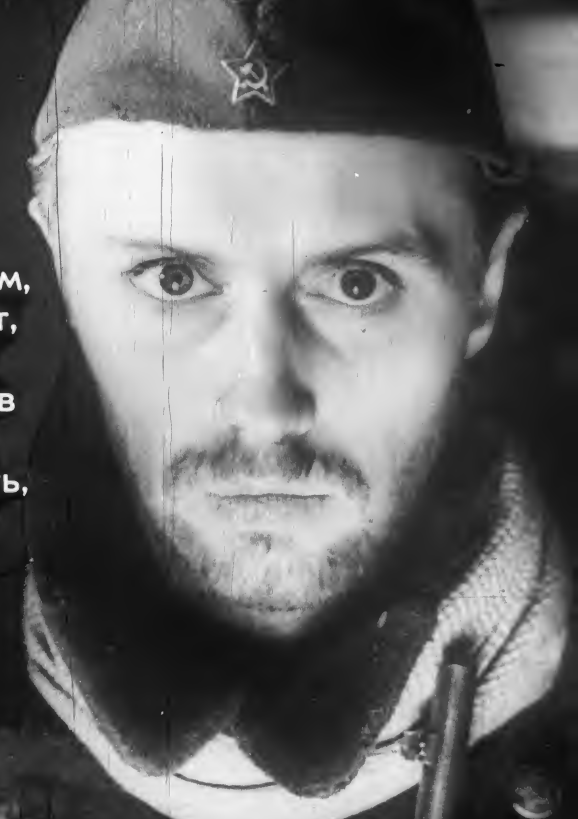

«Сотников не мог согласиться с мыслью, что его смерть явится нелепой случайностью... Как и каждая смерть в борьбе, она должна что-то утверждать, что-то отрицать и по возможности завершить то, что не успела осуществить жизнь. Иначе зачем тогда жизнь?»

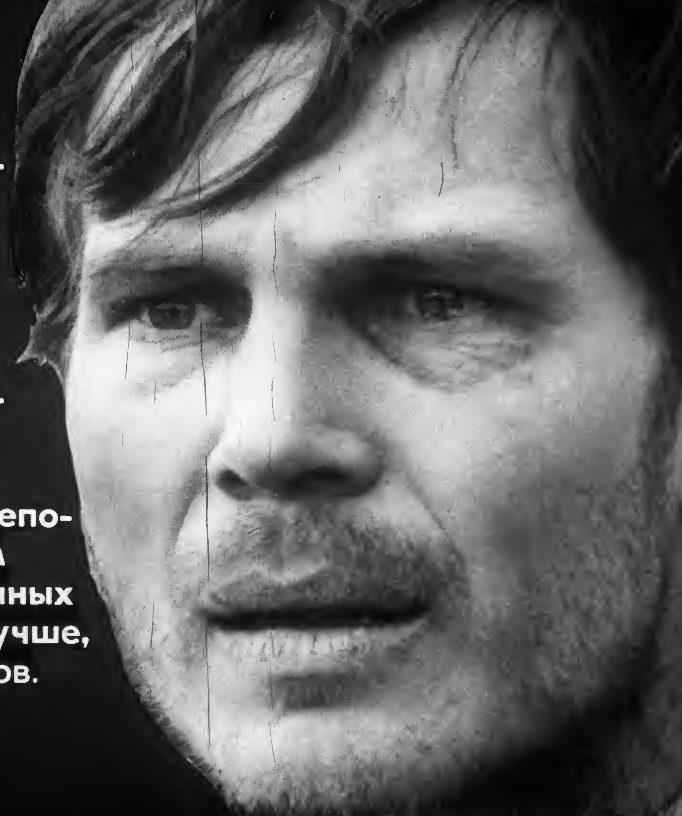
«От глубоко нравственных героев Быкова исходит непреходящая красота—в н у т р е н н е е с в е ч е н и е характера»,—замечает Ю. Бондарев.

Над низменным, корыстным, эгоистическим торжествует, как это бывает у Быкова, одухотворенное, светлое в человеке, вспыхнув, перед тем как навсегда угаснуть, ярчайшим светом нравственности.

А рядом, тоже сделав свой выбор (возраст предательства насчитывает тысячелетия), в цепком стремлении вывернуться, выкрутиться, выкарабкаться ценою жизни ближнего, любой ценой неудержимо катится к своей духовной гибели Рыбак.

«Он не враг по убеждениям и не подлец по натуре, но он хочет жить... в трудную минуту... заботясь лишь о себе. Нравственная глухота не позволяет ему понять глубину его падения. Только в конце он с непоправимым опозданием обнаруживает, что в иных случаях выжить не лучше, чем умереть» (В. Быков. «Великая Академия — жизнь»).

К изображению человека на войне писатель идет от сегодняшних нравственных проблем и вопросов.
Его волнуют и проблема выбора в крайней ситуации, и возможности человеческого духа, «когда в солдате распрямляется самая высокая человечность или сжимается в ледяной комок инстинкт самосохранения» (Ю. Бондарев).

Игорь Ивановский в повести «ДОЖИТЬ ДО РАССВЕТА» сам выбрал свою судьбу... **«Ему оставались считанные секунды, за которыми последует Вечное Великое Успокоение...»** Но останутся жить другие...

И «кто знает, не зависит ли их великая судьба от того, как умрет на этой дороге двадцатидвухлетний командир взвода, лейтенант Ивановский».

Таков нравственный максимализм повести.

Дети—один из трагических сюжетов войны...

Ради своих учеников сдается врагу сельский учитель Мороз (**«ОБЕЛИСК»**). На замысел повести повлияли и поступок одного белорусского учителя, и судьба польского педагога Януша Корчака, добровольно разделившего судьбу своих питомцев—варшавских детей.

«Жизнь—это миллионы ситуаций, миллионы характеров. И миллионы судеб. А вы все хотите втиснуть в две—три расхожие схемы... Убил немца или не убил?.. Он сделал больше, чем если бы убил его. Он жизнь положил на плаху. Сам. Добровольно» («Обелиск»).

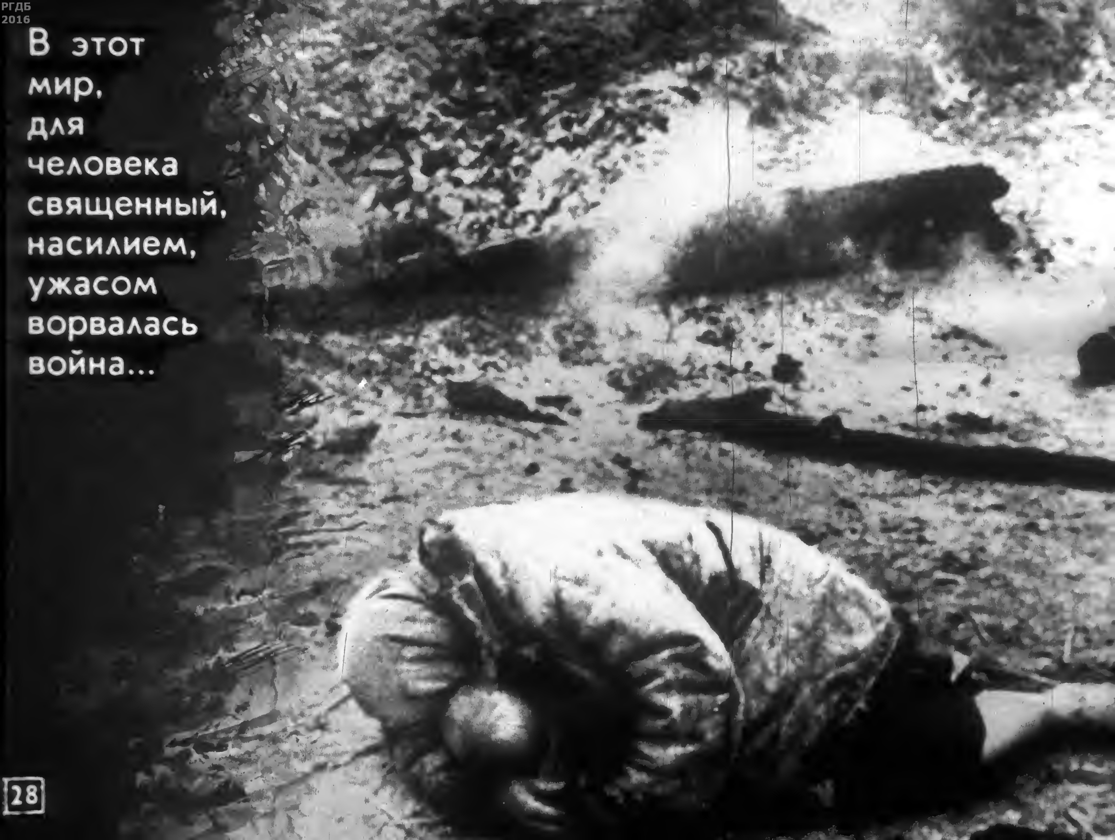
Глубоким чувством народного характера можно объяснить пристальное внимание художника к рядовым войны, людям негероическим с виду, чья верность солдатскому долгу соизмерима с головокружительной отвагой храбрецов. О рядовом партизанской войны, о подвиге из тех, что не значатся в сводках,—повесть В. Быкова «ВОЛЧЬЯ СТАЯ».

Ситуация повести необычна. Во время облавы карателей, сдерживаемых тающей горсткой бойцов, рожает сына радистка партизанского отряда...

Мать и младенец — один из вечных образов. Во все времена — от русской иконы, итальянских Мадонн — к тревожному и бурному XX столетию — с ним связывалась высокая символика человечности.

В этот
мир,
для
человека
священный,
насилием,
ужасом
ворвалась
война...
28

Понимая, что обречена, мать уводит карателей дальше от того места, где, спеленутое, пятнышком белеет на земле ее новорожденное дитя.

...Загнанный в болото «волчьей стаей» карателей, прижимая к себе под пулями маленький теплый комочек жизни, герой повести спасает ребенка ценой нечеловеческих усилий. («Если он его не спасет, то к чему эта ошалелая борьба за жизнь?»)

«...Я, немного повоевавший в пехоте и испытавший часть ее каждодневных мук... никогда не перестану считать ее роль в этой войне ни с чем не сравнимой ролью... Видели ли вы братские кладбища, густо разбросанные на бывших полях сражений... вчитывались ли в бесконечные столбцы павших, в огромном большинстве юношей 1920—1925 годов рождения? Это—пехота...»

Вероятно, в это время уже была задумана

повесть «ЕГО БАТАЛЬОН»... Одна из безымянных высоток минувшей войны. Ее приказано взять сильно поредевшему в боях стрелковому батальону капитана Волошина. Время действия повести «спрессовано» до суток — перед атакой и во время боя.

Повествование насыщено подробностями. Голое мартовское пространство с пятнами нерастаявшего снега, и то, как обдирает скаты узкой траншеи накинутая поверх шинели плащ-палатка, как вздрагивает от ветра карбидный огонек фонаря, бросая на стены землянки горбатые тени,—все создает ощущение узнаваемости, сопричастности, подлинности.

Но главная мысль повести — ЦЕНА победы и МЕРА человечности. Его батальон — люди, за которых капитан Волошин в ответе перед своей совестью.

«Шла война, гибли сотни тысяч людей... И тем не менее, будучи сам солдатом и сам ежечасно рискуя, Волошин не мог не чувствовать, что все-таки самое ценное на войне — жизнь человека...

Но как бы ни была дорога жизнь, есть вещи выше ее, даже не вещи, а понятия, переступив через которые человек разом терял свою цену...»

Его батальон взял высоту.

Стоя у свежей братской могилы, Волошин с горечью думает о том, что тает его батальон, что «еще меньше останется тех, кто пережил этот адский бой...
А потом и совсем никого не останется... и где-то в дали военного прошлого, как дым, растает их фронтовая судьба».

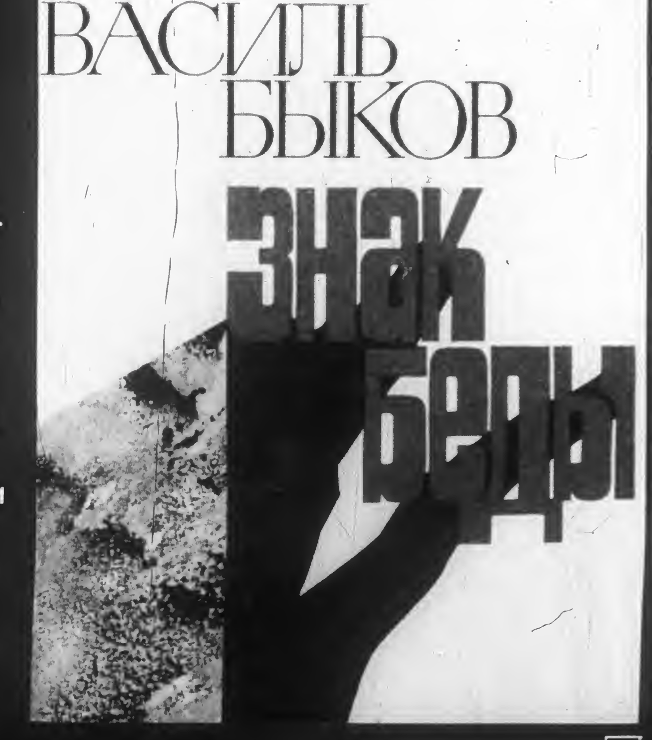

И в этой неотвратимой диалектике войны—драматизм повести.

таков итог злодеяний, совершенных гитлеровцами на белорусской земле...

Не потому ли так личностно глубока, так горячо откровенна последняя повесть писателя «ЗНАК БЕДЫ», где «народная память, народная правда заявили себя как едва ли не главный судья или критерий всех других правд о войне»
(А. Адамович. «Живое время»).

«...Этот роковой знак лежал здесь на всем: на истлевших остатках усадьбы... на самодовольной неприступности колючего шиповника... И только тоненькая молодая рябинка... в дерзкой своей беззащитности казалась гостьей из иного мира...» Так раскрываются в самом пейзаже образ беды и вечное торжество жизни.

Белорусский хутор, где живут Степанида и Петрок, расположился неподалеку от дороги. Тихо. Неторопливо щиплет корова Бобовка влажную траву... Но неприютен осенний простор.

«Настала новая, страшная в своей непривычности жизнь под немцем...»

Она увидена глазами тех, кто вырос на этой земле, холил ее, чье единение с окружающим миром кровно и трогательно. У Быкова «и корова—со своим характером, и парсючок, простите, — индивидуальность, каждая курица... не безлика. И это все потому, что писателю дорог, близок внутренний мир хозяев хутора» (А. Адамович).

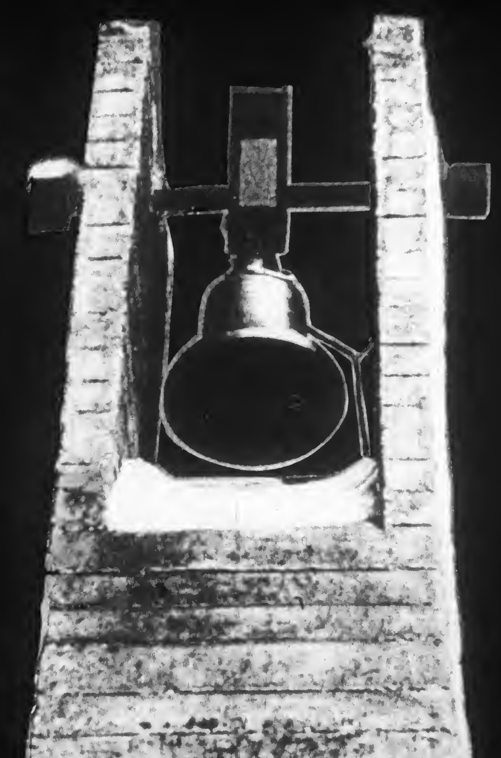

Убит мальчик-пастух Янко. Взбунтовавшись в свой первый и последний раз, так и не сумев удержаться в стороне от захлестнувших мир событий, навсегда исчезает Петрок.

Окруженная гитлеровцами и полицаями, проведавшими про бомбу, поджигает избу и сгорает в ней Степанида. Но бомба, которую с таким трудом и риском добыла и закопала она на своем подворье, **«бомба дождалась своего часа».**

Так заканчивается повесть...

«...Печально и вместе с тем величественно днем и ночью, в ветер и непогоду разносится над Белой Русью звон колоколов Хатыни... «Люди добрые, помните!»

И неостывший пепел ее пожарищ стучит и стучит в сердце писателя...

КОНЕЦ

Диафильм по литературе для X класса создан по программе, утвержденной Министерством просвещения РСФСР

В нем использованы кадры из кинофильмов «Восхождение», «Обелиск», «Волчья стая»

Автор М. Файнберг

Художник-оформитель И. Булатова

Редактор В. Чернина

103 062, Москва, Старосадский пер., 7

Д-241-85 Черно-белый 0-20